

Мирбо Октав

Деревенские рассказы

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-311.8
ББК 84-4
О-52

Октав М.
О-52 Деревенские рассказы / Мирбо Октав – М.: Книга по Требованию, 2023. – 128 с.

ISBN 978-5-519-96726-6

Содержание: Мой деревенский домик; Смерть дядюшки Дюгюз; Мировой суд; Исповедь Жибор; Горе дядюшки Пито; Эй дядюшка Николай!; Смерть собаки; Агрономия; Перед похоронами; Священная птица; Ребенок; Человек в амбаре; История моей лампы; Осенние силуэты FB U 28/774

ISBN 978-5-519-96726-6

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2023
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2023

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг — не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель — вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания — решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Оглавленіе.

	СТР.
Мой деревенскій домикъ	1
Смерть дядюшки Дюгюэ	7
Мировой судъ	31
Исповѣдь Жибори	37
Горе дядюшки Пито	45
Эй, дядюшка Николай!	53
Смерть собаки	57
Агрономія	65
Передъ похоронами	83
Священная птица	89
Ребенокъ	95
Человѣкъ въ амбарѣ	101
Исторія моей лампы	107
Осенніе силуэты	113

Мой деревенскій домикъ.

Клочокъ моей земли находится въ глухой провинціи, въ отдаленномъ мѣстечкѣ, гдѣ не встрѣтишь ни стеклянныхъ шаровъ, ни японскихъ кіосковъ, ни традиціоннаго фонтана съ запыленнымъ амуромъ изъ гипса, пускающимъ въ цинковый бассейнъ нескромную струю. Простой деревенскій домикъ, похожій на сторожку, расположенъ на опушкѣ привѣтливаго буковаго лѣска, кудрявящагося на солнцѣ; впереди горизонтъ замыкается видомъ зеленѣющихъ полей, изрѣзанныхъ высокими изгородами.

По фасаду дома вьется прихотливый узоръ винограда; жасминъ да ползучія розы расцвѣчиваютъ стѣны изъ зеленыхъ кирпичей. Палисадникъ, огороженный дырjвыми, обросшими мохомъ досками, такъ малъ, что по его дорожкамъ, обсаженнымъ буксусомъ и тимьяномъ, съ трудомъ можетъ разойтись пара улитокъ. Но что мнѣ до тѣсноты и убогости моего жилища? Развѣ не я хозяинъ этихъ полей, развѣ не мнѣ принадлежатъ этотъ пѣвучій лѣсокъ и небо, перерѣзываемое вереницами пролетающихъ стрижей? Могу ли я требовать отъ всего этого чѣго-нибудь сверхъ радости обладанія этой красотой, этимъ благоуханіемъ?

Невдалекѣ, въ каменистомъ глубокомъ ложѣ, течетъ ручей, и зеленая вода его прячется въ густой тѣни переплетшихся вѣтвями ольхъ. Розовыя крыши фермы виднѣются поверхъ неуклюжихъ, коренастыхъ стволовъ грабовъ; коровы пасутся, уткнувшись мордами въ траву, а стада барановъ бродятъ вдоль дороги, карабкаются на заброшенные откосы, охраняемые собакой-овчаркой.

О, какъ мнѣ будетъ хорошо здѣсь, въ этомъ глухомъ уголкѣ, благоухающемъ всѣми ароматами вновь расцвѣтающей природы! Нѣтъ борьбы, ожесточающей людей, нѣтъ злобы, нѣтъ ненависти, разѣдающей сердца; одна лишь любовь, та великая любовь, которая снисходитъ на землю вмѣстѣ съ умиротворяющимъ мракомъ ночи и, тихо шелестя листьями деревьевъ, словно нѣжная мать напѣваетъ своимъ дѣтямъ: «Къ чему ненавидѣть? Развѣ ты не знаешь людей, ихъ страданій и страстей, терзающихъ богатыхъ и бѣдныхъ— голоднаго нищаго, уснуваго на краю дороги, и чревоугодника, почивающаго, съ набитымъ брюхомъ, за раздушенными занавѣсками! Не надо никого ненавидѣть, даже злыхъ... Ихъ можно только жалѣть, потому что имъ недоступно то единственное, что примиряетъ насъ съ жизнью: дѣлать добро».

Итакъ, я поселился въ моемъ домикѣ и зажилъ монотонной деревенской жизнью. Товарищами моими въ этомъ уединеніи являются: грязный сварливый песъ, птицы въ лѣсу да старикъ-крестьянинъ. Послѣдняго я замѣтилъ какъ-то однажды блуждающимъ вокругъ моего дома и бросающимъ на меня косые взгляды. Въ этотъ разъ онъ ушелъ, но на слѣдующій день появился снова и возобновилъ свои наблюденія; на третій день онъ отважился проникнуть за изгородь.

— Какъ дѣла?—спросилъ онъ меня, приподымая надъ головой фуражку, порыжѣвшую отъ двадцатилѣтняго пребыванія на солнцѣ.

— Помаленьку, старина,—отвѣтилъ я.

— Такъ, такъ... хорошо!

Онъ поправилъ на трельяжѣ свѣсившуюся вѣточку жасмина.

— Говорятъ, вы пріѣхали изъ Парижа?

— Ну да.

— Такъ, такъ... хорошо!

Онъ удалился, грузно ступая тяжеловѣсной походкой престарѣлаго землепашца.

Каждый вечеръ, когда солнце опускается за холмъ, онъ приходитъ, садится на скамью у моей двери и, въ то время какъ я мечтательно погружаюсь въ созерцаніе умиротворяющей величественности заката, онъ

тихонько покачиваетъ головой, никогда не произнося ни слова.

* *

Нѣсколько недѣль тому назадъ у меня появился новый товарищъ—дядюшка Равенель, который приходитъ полоть дорожки, сажать овощи, присматривать за деревьями.

Дядюшкѣ Равенелю шестьдесятъ два года. Средняго роста, слегка сгорбленный, онъ медленно ступаетъ размѣреннымъ шагомъ стараго пахаря. У него великолѣпная голова, очень характерное лицо, обвѣтренное, потрепавшееся, угловатое и морщинистое; лобъ почти до самыхъ бровей закрытъ сѣдоватыми, взлохмаченными космами жесткихъ волосъ. Фигура его кажется окаменѣлой, точно стволъ стараго дуба, постоянно сопротивляющагося злымъ вѣтрамъ; подъ заплатанной, ветхой одеждой обрисовываются выступы костей и узлы мышцъ, точно вѣтви, стремящіяся наружу. Взглядъ его ясенъ и покоенъ; ни одной мысли, никакого волненія незамѣтно въ этихъ загадочныхъ глазахъ, покорныхъ и кроткихъ, словно глаза домашняго животнаго. Движенія его медленны, торжественны, необъятны словно горизонтъ неба, благоговѣйны и молитвенны словно чудо творенія.

Старикъ зашибаетъ...

Почти всегда подвыпившій, онъ все-таки не покладаетъ рукъ, берется то за то, то за другое... Конечно, мѣшать эти два ремесла не очень-то удобно. Если бы онъ не пилъ, у него скопились бы кое-какія сбереженія и онъ могъ бы жить припѣваючи. Подобно всѣмъ своимъ землякамъ, даже менѣе, чѣмъ онъ, искуснымъ на всякую работу, онъ имѣлъ бы домикъ съ палисадникомъ, огородъ, куръ, утокъ, кроликовъ, можетъ быть корову, и откармливалъ бы къ Рождеству свинью. Теперь онъ могъ бы отдыхать, немножко помогать сосѣдямъ, когда наступитъ сезонъ сидра. Въмѣсто всего этого у него нѣтъ ничего—ни дома, ни земли, ни куръ,—рѣшительно ничего. Приходится то здѣсь то, тамъ побираться поденщиной, работать и за садовника, и за плотника, и за каменщика, съ трудомъ выколачивая свои двадцать су въ день, горшокъ супа да бутылку сидра. Но онъ

не унываетъ, не падаетъ духомъ. Къ тому же онъ не виноватъ... Этимъ онъ обязанъ своей второй женѣ. Ибо дядюшка Равенель, овдовѣвшій въ сорокъ восемь лѣтъ, не захотѣлъ жить жизнью бобыля и женился вторично.

— Ну не глупо ли, не глупо ли?—говоритъ онъ, возвращаясь иногда къ прошлому, къ временамъ своей первой жены.

* * *

Каждое утро въ шесть часовъ онъ является уже навеселѣ, съ сильнымъ «букетомъ» алкоголя...

— Ну, дядюшка Равенель, вы уже готовы, а?

— Понятно... понятно!.. — отвѣчаетъ старикъ, почесывая голову.—Немножечко... Такъ, самую малость!..

Онъ спотыкается, губа у него отвисаетъ, мокрая и слюнявая. Но и въ эти минуты глаза его остаются неподвижными, безъ всякаго проблеска мысли, даже безъ налета опьянѣнія.

— Въ нашемъ возрастѣ, дядюшка Равенель... и вамъ не стыдно?

— Ну, конечно!.. конечно!.. Я вамъ скажу... Это моя жена... моя вторая жена... Ахъ, что за сука, что за срамница!.. Вотъ моя первая—та была святая, прямо святая... Кабы вы ее только знали... Святая!.. Прямо святая угодница!

Онъ плачетъ, хватаясь за волосы.

— Святая! Настоящая святая!.. И вотъ она умерла,— умерла изъ-за свиньи, которая поколѣла отъ лихой болѣзни.

— Да, я знаю, знаю эту исторію... Идите-ка спать!.. Вамъ нужно выспаться...

— Нѣтъ... нѣтъ!.. Надо мнѣ вамъ рассказать... У меня, конечно, есть слабость, это вѣрно... но я хочу вамъ рассказать... Была у меня свинья, прямо, можно сказать, великолѣпная свинья!.. Отлично ѣла, отлично ходила... Провались я на этомъ мѣстѣ, если я вру... Вдругъ она заболѣваетъ, точно человѣкъ, точно баринъ, точно какая важная особа... Ужъ и каталась она, и корчилась, и пѣна у нея изо рта... Въ концѣ-концовъ поколѣла-таки, окаянная... Вотъ моя первая и говоритъ: «Надо

ее съѣсть, не пропадать же добру...» А я говорю ей: «Свинья, которая поколѣла отъ лихой болѣзни, навѣрное заражена; надо ее закопать поглубже-поглубже...» А ей показалось ужъ очень обидно—моей первой женѣ-то—закопать такую отличную тушу... «Чего ради она будетъ заражена?» говоритъ она мнѣ... Я говорю: «Она, должно быть, съѣла чего-нибудь сквернаго и ей это бросилось на желудокъ, а потомъ въ голову... Не бываетъ вѣдь, чтобы свинья поколѣла такъ, ни съ того, ни съ сего...» А моя первая жена и говоритъ: «А я все-таки приготавливаю фрикасе изъ печенки». А я ей: «Дѣлай, если хочешь, но я ѣсть не стану... Да! да! да!»

При этихъ горестныхъ воспоминаніяхъ Равенель начинаетъ плакать, волноваться и продолжаетъ:

— Пусть я проткну себѣ глотку вилами, лопатой, буравомъ, если я лгу!.. Ну, такъ вотъ, моя первая-то жена наѣлась печенки съ картошкой, а потомъ мы закопали свинью на лугу дяди Ботро, подъ осиною... Тогда она ничего не почувствовала... Ходила, какъ вы, какъ я, какъ всѣ мы... Но вотъ спустя десять лѣтъ вдругъ на нее напала та самая болѣзнь... Такъ же корчилась, такъ же выла, такъ же пѣна изо рта, какъ у свиньи, и затѣмъ померла... Да такъ скоро, что не успѣли мы обернуться, не успѣлъ я даже ее водой побрызгать... Вотъ вамъ Богъ, и угодникъ Іосифъ, и Пресвятая Дѣва Марія, черезъ десять лѣтъ свинья бросилась ей въ животъ и въ голову... и задушила ее... Да! да!..

— А вы снова женились, старый вы плутъ?

— Ну да!.. Да! Я взялъ себѣ вторую... Только это ужъ не то... Ахъ, что за срамница!.. Что за безстыдница! Ей нужно здоровеннаго мужика... Хуже всякой кошки, хуже суки, хуже воробья... Я человѣкъ пожилой, вы понимаете, и къ тому же я никогда не отличался... А ей нужно, ей все равно какъ! Я бы хотѣлъ, чтобы вы видѣли! Другой разъ я совсѣмъ спокоенъ, ни о чемъ такомъ не думаю... или пришелъ усталый съ работы: «Дядя Равенель,—говоритъ она мнѣ,—я вся горю...» И вотъ она смотритъ на меня—глаза блестятъ словно огоньки... «Я не могу,—говорю я,—я человѣкъ пожилой; да совсѣмъ у меня этого нѣтъ сейчасъ и въ мысляхъ...» Но она не отстаетъ, толкаетъ меня, прижимается...

«Не могу», говорю ей опять. «Ну,хвати глоточекъ», говоритъ она... Я и хватаю, одинъ, два, три глотка... «Ну, готово?» спрашиваетъ она. «Нѣтъ, не готово», отвѣчаю я. «Ты просто-напросто тряпка», говоритъ она. «А ты потаскуха», отвѣчаю я... Она мнѣ въ ухо, я—въ другое, и пошла потасовка... Тогда я хватаю бутылъ, выпиваю опять глотокъ, другой, третій... Да! да! да!.. Вы понимаете, меня это губить, губить все это, да!

* * *

На слѣдующій день послѣ выпивки дядюшка Равенель бродитъ точно во снѣ. Онъ ничего не понимаетъ изъ того, что у него спрашиваютъ. Глаза у него широко раскрыты и смотрятъ куда-то въ непроницаемую даль.

— Послушайте, дядюшка Равенель, надо бы сдѣлать у изгороди подпорки.

— Ахъ, да! подпорки!..

— Вы поняли?

— Нѣтъ... подпорки!.. подпорки!..

— Да вы знаете, что такое подпорка?

— Подпорка!.. Да...

— Ну, такъ, значить, вы подопрете изгородь?

— Изгородь?

— Вы поняли?

— Нѣтъ...

Онъ идетъ въ садъ медленными шагами, беретъ свою лопату, скрещиваетъ на ней руки, смотритъ на пролетающихъ птицъ, на трепещущіе отъ утренняго вѣтерка листья... и бормочетъ:

— Подпорка!.. Изгородь!..

Ни одной мысли не шевелится въ этомъ упрямомъ, окостенѣломъ черепѣ, и лицо его, угловатое, морщинистое, принимаетъ особо-безмятежное выраженіе почти пластической красоты, почти скульптурной выразительности, которая заставили бы поэта воскликнуть: «Вотъ настоящій богъ земли!»

Смерть дядюшки Дюгюэ.

I.

— Прежде всего ему схватило животъ... случилось это не больше недѣли тому назадъ... Боже мой! да никакъ это было всего въ прошлый четвергъ?.. Такія поднялись боли, такія боли... все нутро выворачивало... Каждую минуту все бѣгалъ на дворъ, а ѣсть почти что ничего не ѣлъ... утромъ всего одну грушку, а вечеромъ кусочекъ сыра... Тутъ онъ ужъ слегъ въ постель. И такая это его взяла лихорадка, что не приведи Господи!.. Такъ весь и трясся...

Докторъ съ важнымъ видомъ ощупывалъ пульсъ больного.

— На голову онъ не жаловался?

— Какъ не жаловаться, сильно жаловался...

— Бреда не было?

— Чего изволите?

— Я говорю, бредилъ ли больной?

— Кажись, нѣтъ... ничего не говорилъ... Вы, можетъ, желаете поглядѣть его мочу?

Не отвѣчая на послѣдній вопросъ, докторъ приподнялъ одѣяло и нѣсколько разъ сильно нажалъ рукой животъ дядюшки Дюгюэ, который лежалъ съ открытымъ ртомъ, на спинѣ, не двигаясь, и только время отъ времени глухо стоналъ; докторъ покачалъ головой и сталъ писать рецептъ.

— Вы будете давать ему это каждые полчаса по чайной ложкѣ,—сказалъ онъ теткѣ Дюгюэ, которая провожала его до дверей.

Пока онъ отвязывалъ поводъ своей лошади и старательно заматывалъ его, тетка Дюгюэ спросила:

— Какое же ваше мнѣніе насчетъ больного?

— Да я сильно боюсь, что онъ не доживетъ и до ночи,—отвѣтилъ докторъ.

— Какъ, даже до ночи? Вотъ такъ дѣла!.. Не ожидали мы этого...

— Ну-съ, до свиданья!—сказалъ докторъ, влѣзая въ свой тарантасъ.—И прескверныя же у васъ тутъ дороги...

И экипажъ покатился; подпрыгивая на выбоинахъ.

Оставшись одна, тетка Дюгюэ съ минуту постояла въ раздумьѣ, одной рукой потирая себѣ носъ, а другой перебирая на боку подолъ своего фартука; потомъ она пересѣкла фруктовый садъ, прилегавшій къ дому, и направилась къ лачугѣ съ соломенной крышей, которая виднѣлась сквозь листву яблонь.

— Тетка Гарниеръ! Эй! тетка Гарниеръ!—позвала она сосѣдку.

Черезъ нѣсколько мгновеній послышалось медленное постукиванье деревянныхъ башмаковъ, и изъ-за вѣтвей показалась старуха.

— Это ты меня зовешь?—спросила она.

— Да, тебя, тетка Гарниеръ. Я совсѣмъ одна дома. Дочь еще не приѣхала изъ города, сынъ пошелъ въ лѣсъ за грибами... Сходи, пожалуйста, къ аптекарю, снеси ему эту записку... а потомъ къ священнику: попроси его притти какъ можно скорѣе...

— Это все для дядюшки Дюгюэ?

— Ну да, для него...

— А что сказалъ докторъ?

— Ничего не сказалъ... Сказалъ только, что онъ и ночи не проживетъ...

— Ахъ ты Господи, Пресвятая Богородица, вотъ такъ дѣла!.. Я думаю такъ, что у него дурная лихорадка, какъ у моего покойнаго мужа была... Ну, да и года... Вѣдь дядюшка Дюгюэ ужъ не молодъ.

И обѣ женщины, къ которымъ подошли понемногу всѣ кумушки деревни Фрѣльмонъ, принялись взапуски рассказывать всевозможныя небылицы о докторахъ и болѣзняхъ.